



Александр Геннадьевич Щёголев

Ночь, придуманная кем-то

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168577

Зверь-баба: Скрипториум; 2000

Аннотация

До чего же может довести «любовь» не ограниченная ни рассудком, ни уголовным кодексом?

Жертва шантажа, перепутавшая звериную преданность с предательством...

Сильные герои, сильные поступки, сильные чувства. Действие разворачивается в одну ночь – в то время, когда спит разум и жизнью управляют иные силы, скрытые в каждом из нас.

Содержание

Пролог №2: Институт	4
Пролог №1: Перед окном	11
Почти ночь	17
Действие №1: Квартира	17
Действие №2: Институт	25
Монолог: На лестнице	35
Действие №1: Лестница	50
Действие №2: Кабинет проректора	53
Ночь	64
Действие №1: Чужая квартира	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Щёголев

Ночь, придуманная кем-то

(композиция)

Пролог №2: Институт

– Кушать хочется, – сообщила она и засмеялась.

– Да, – задумчиво согласился он. Неуклюже слез с кафедрального дивана, придерживая на всякий случай штаны, и принялся возвращать себе исходный вид культурного молодого человека. Застегнулся, заправился, распрямился. Не забыл про «молнию» в ширинке. Блаженно застонав, потянулся-потянулся-потянулся... и вдруг хрипло проорал:

– Й-е-ес-с-с!

Тоже засмеялся.

Она смотрела на него снизу вверх. Трудно было оторвать взгляд от его нелепой тощей фигуры, похожей в темноте на безглазого извивающегося червя. «Какой же он весь... – бесвязно думала она, – ... только мой, больше ничей, ужас, какой...» А вот ее глаза, в отличие от его, вампирски светились – в них отражался фонарь за окном.

– Мы с тобой ненормальные, Игорь, – логически завершила она свою предыдущую реплику. – Зачем ты меня послу-

шался? Сейчас бы на даче яичницу жарили.

– Да ладно, – расслабленный, он уселся на стол заведующего кафедрой. – Попробуй, не послушайся тебя, сразу ногой в ухо схлопочешь.

– Я детей не бью.

Она улыбалась. Впрочем, в сумраке умирающего апреля ее улыбка была не видна, только глаза мерцали, только любящие глаза.

Он присел перед ней на корточки, ткнулся носом в мягкое, в жаркое, разметал шkodливymi руками незастегнутую блузку. «Ой, щекотно,» – шепнула она и поймала его ладони под мышками.

– Фр-р-р! – сказал он, равномерно распределив этот звук по всем закоулкам мягкого и жаркого, до которых сумели добраться его губы.

– Хороший мой... – Она продолжала шептаться, чтобы никто больше не услышал ее, ни одна тень, ни один готический призрак. – А на вашей даче двуспальная кровать. Ты на ней по диагонали спишь. Интересно, как мы с тобой здесь поместимся?

Он с трудом оторвал себя от дурманящего лакомства.

– Не надоело меня подкалывать? Жан, прекрати. Честное слово, я только рад, что мы не поехали на эту дачу. Пусть хотя бы одно приключение в жизни останется, будем потом внукам рассказывать.

– Что ты хочешь от пьяной женщины? – совсем неслышно

спросила она. Интимно дыхнула ему в лицо. – Сам напоил, а теперь обижаешься? – И стремительно поцеловала его в губы.

– Ноги затекли, – виновато сообщил он.

Поднялся, все разом испортив. Отошел к окну. Отбрасываемая им тень устрашающе выросла, заполнив кафедру целиком. Впрочем, он был доволен собой. Проверка закончилась успешно. Без сомнения, его проверяли – неосознанно, разумеется! – мужчина ли он, романтик ли он, способен ли на безумство ради любимой женщины. Он – мужчина, он – способен. Замечательно Жанна поступила, когда выдернула его из толпы расходящихся по домам студентов и сотрудников, когда предложила, сверкая глазами, не выходить вместе со зрителями на улицу, спрятаться в актовом зале, и они, взявшись за руки, нырнули за тяжелую бархатную ткань, тянущуюся вдоль высоченных стен, а там оказался целый лабиринт, и они бродили по нему вечно, не разжимая рук, самозабвенно целовались, глотая пыль – ждали, пока вахтеры закроют выход на улицу, – а затем это случилось, мир сомкнулся, они вышли в душный мрак опустевшего зала, на ощупь пробрались в комнату студенческого клуба. В столе нашелся ключ от той двери, которая вела внутрь института, и тогда, нарушив все и вся, они проникли в пасмурные, вымершие коридоры... Замечательно, что он, Игорь, откликнулся на зов сумасшедших любящих глаз, ни секунды не колеблясь! И ведь обидно – найдется проницательный моралист,

который увидит причину столь детского поступка исключительно во влиянии спиртных паров. Вот вам «пары», утрите! Ну, выпили перед концертом самую малость. Ну, дернули чуть-чуть. А только внезапное желание остаться вдвоем – без электричек, без пассажиров, без телевизоров, без загаженного города со всеми его пригородами – это желание было глубоким и очень естественным... Правда, родная моя?

Он оглянулся.

Жанна уже спустила ноги с дивана и, перегнувшись в пояс, шарил по паркету, ловила кроссовки.

– Пойдем столовую вскроем, – сказал тогда Игорь. – Или кафетерий, поближе.

– Хорошая шутка, мне понравилось, – она была серьезна. – Во-первых, в холодильнике у системщиков остался почти целый торт от вчерашнего.

– О! – восхитился он. – Да, конечно!

– Во-вторых, у Ирины в тумбочке склад печенья.

– Да! – закричал он. – Йес!

– В третьих, сейчас будем пить чай. Можешь сходить за водичкой, я не обижусь. По пути откроешь машинный зал и возьмешь из холодильника торт. Программа ясна?

Она встала, собрала недостающую одежду, принялась приводить себя в порядок. Одежды в ней не доставало изрядно. Джинсы на полу, а чтобы вернуть на место лифчик, надо сначала скинуть с плеч блузку. И свет падает с бесстыдной прямоотой. Привыкнуть к таким сценкам невозможно.

Он отвернулся, упершись раскаленным взглядом в черную лужу за окном. Отсюда, со второго этажа, лужа была прекрасно видна – вечная поганая жижа в самом центре вечного институтского двора. Взгляд остудился в муках.

– Интересно, здесь еще есть кто-нибудь? – спросила сзади Жанна, громко шурша то ли брючинами, то ли рукавами.

– Где?

– В институте.

– На проходной две-три бабули. Плюс дежурный, он должен сидеть у проректора.

Она неслышно подошла, обхватила его руками, прижалась к костлявому боку.

Он вдруг подался вперед. Легонько толкнулся лбом в стекло:

– Подожди. Кто это?

По грязному, невымытому с прошлого дождя асфальту бежал человек. Высокий, мощный – мечта любой нормальной женщины. Не просто бежал, а неся с бычьей целеустремленностью: размашисто шлепнул ногой в лужу (ох, как брызнуло!), споткнулся о валяющуюся доску, исчез, растворился под аркой...

– Наверное, дежурный? – предположила Жанна почти спокойно.

– А почему так поздно?

– Ну, например, разминку делает перед сном.

– Или лунатизмом страдает. В любом случае добежит до

четвертого двора и вернется.

Они подождали. Молча, пугливо. Возвращаться из четвертого двора никто явно не собирался.

– Куда он подевался? – тупо спросил Игорь.

– В подъезд нырнул. И обратно по коридорам.

– В коридорах тьма собачья.

– А вдруг он любит трудности. Как мы с тобой, Игорек.

Она крепче обхватила его своими хозяйскими руками.

– Ладно, не наше дело, – решил он. – Чаю хочу.

Обнявшись, они отошли от окна.

– Жалко, я думала, что можно будет свет включить, – Жанна вздохнула, присела перед тумбочкой секретарши, дернула тугую дверцу. – Ну-ка, чего тут съедобного есть?

Игорь застыл рядом – озабоченный, напряженный, повзрослевший. Нежность временно освободила разум. Появилась хорошая возможность подумать, посмотреть на себя со стороны.

– Слушай, я понял! – внезапно обрадовался он. – Ну, мы идиоты! Это просто обход территории. Дежурному положено вечерний обход делать. Вообще-то он должен брать с собой кого-нибудь еще, но бабулям неохота из тепла вылезать. Мне кажется, сейчас самое время свет включать, больше по дворам никто не пойдет.

– Подождем чуть-чуть, ладно? – отозвалась Жанна, шумно роясь в чужих ящичках. – Смотри, что тут припасено!

Тогда он с готовностью опустился рядом и засунул нос ед-

ва ли не в самую тумбочку.

Пролог №1: Перед окном

А вот говорят, что где-то люди живут в отдельных квартирах. Врут, наверное. Хочешь в сортир – пожалуйста, заходи, горшок всегда свободен. Хочешь помыть в ванной руки, или что у тебя там еще грязного есть, – не стесняйся, открывай дверь без стука. Причем не обязательно даже изнутри на защелку запираяться, потому что никто в самый интересный момент не вломится. Сказка для детишек... А уж если жрать приспичит, так и вовсе проще некуда – иди на кухню. Не надо носить тарелки с едой, не надо говорить каждой встречной сволочи: «Здравствуйте», «Извините» или «Я вам не помешаю?» Холодильник, и тот на кухне стоит! Представляете, холодильник – и вдруг на кухне! Смешно. Никто не залезет в него за твоим маслом, никто не прилипнет с вопросами – какое, мол, право ты имел занимать столько общественного места. Мало того, дежурить по квартире тоже не надо. Мыть пол в коридоре разрешается когда угодно, а не в тот день, когда прописано в бумажке около телефона... Ну точно сказка. Не знаю, может и живут так где-нибудь. В Америке или еще где подальше. В Кремле, например. А я четырнадцать лет прожил на наших шестнадцати квадратных метрах – всю свою жизнь, понятно?

Хорошо, телевизор за стеной больше не бубнит про монархию, мать порядка. Дядя Павел вечер прожить без ново-

стей не может, но бубнеж наконец-то кончился. Включить телек, что ли? Развеяться...

Дядю Юру жалко, сил нет! За что его так? Хороший был мужик. Они выше этажом помещаются, в квартире прямо над нами. Мы на предпоследнем этаже, они на последнем, на седьмом. Только квартира у них, ясное дело, не коммунальная. Они там вдвоем жили, дядя Юра и его жена Бэла – в пяти комнатах. На самом деле его жену зовут Бэла Исааковна, но весь город и вообще вся страна знает ее, как «Бэлу». Или можно по другому – «Леди Космос». Очень известная тетка. Телевизионщики, когда показывают ее по ящику, этак запросто обращаются к ней: мол, «дорогая Бэла, каков ваш прогноз развития человечества на следующую неделю?» Я ее немного побаиваюсь, она слишком сложная. И, кстати говоря, далеко не молоденькая, хоть и мажет облик всякими патентованными красками. Дядя Юра рядом с ней получше выглядел, но тоже не мальчик был. Он ко мне очень хорошо относился, дружил со мной. Я у них часто бывал, про жизнь с дядей Юрой разговаривал, точнее, спорил. Или видик смотрел, прихлебывая апельсиновый сок, или на компьютере играл. Пробежишь по лестнице всего два пролета вверх, и уже в другом мире – вовсе не внутри грязного семиэтажника, а в кадрах американского кино. У меня ведь кто в жизни есть? Ну, мама. Еще Игорек, старший брат. Ну, у брата есть невеста по имени Жанна – тоже меня отлично понимает. Хорошая телка, повезло Игорьку. И дядя Юра, сосед сверху. Все,

больше никого в моей жизни нет.

Но вчера дядю Юру убили.

Он мне на последний день рождения плеер подарил, и не какой-нибудь, а японский, навороченный – чтобы я в любое время дня и ночи мог музыку слушать. Плюс коллекцию кассет. Сами понимаете, сколько это весит в денежном выражении. Мама раскричалась тогда, хотела, чтобы я немедленно отдал плеер с кассетами обратно, говорила, что такие подарки брать нельзя. Но я разве гордый? Оставил себе, само собой. У них все равно баракла навалом, они же оба знаменитости. А у нас с братом отца нет, так что имеем право. Мама лет двадцать пять назад завела Игоря, четырнадцать лет назад – меня, а вот отца семейства до сих пор не сумела завести. Вместо него мы дядю Юру приспособили. Когда я был маленький, к примеру, мать иногда даже оставляла меня наверху, если вдруг ей нужно было куда-нибудь сходить, а Игорек болтался на улице. Тогда мы с дядей Юрой и подружились. В школе-то мне дружить не с кем, у нас там либо дебилы, либо бляди... короче, неважно. Вот и остался теперь от дяди Юры один плеер – валяется на раскладушке за шкафом, в моем закутке. Там же россыпь кассет...

Кошмар какой-то.

Сегодня, примерно в пять вечера, на лестнице крик поднялся, сумасшедшие вопли, беготня. Оказалось, это знаменитая Бэла вернулась из своих загородных апартаментов. Она и кричала. Потом милиция приехала: три мужика под

руководством толстой и потной тетки. А вокруг шипят «убили!», «убили!», хором выглядывают на лестницу, у всех глаза квадратные, уши шевелятся от любопытства... Я рвался к дяде Юре, рвался, но меня не пустили. Так и проторчал на лестничной площадке. Долго менты ковырялись, пару понятых позвали, причем один в нашей квартире живет – Андрей Петрович из дальних комнат. А я топтался возле двери и придумывал, как бы мне пройти внутрь, чтобы не сразу вытолкали обратно. Сердце колотится, мозги на части рвутся. Не придумал, фантазер хренов... Потом, когда носилки выносили, со мной вообще истерика случилась. Честно говоря, это я сейчас слово красивое нашел – истерика. На самом деле я элементарно психанул. Как увидел знакомую волосатую руку, торчащую из-под простыни, так и задержался паралитиком, так и запрыгал по ступенькам. Очки уронил, идиот, чуть их не раздавили. А внизу уже вторая машина поджидала, специальная. Носилки в нее задвинули – и привет семье, дядя Юра, не забывая друзей...

Делом бы заняться, а то с этими мыслями с ума сойти можно. Вот так сойдешь случайно с ума и не заметишь. Будешь в школу бегать да уроками мучиться, потом остальные дебилы поймут, что мозги у тебя наконец-то протухли, и торжественно примут в свою команду. Хотя, не страшно. В психушке аминазином кольнут или, например, электрошок пропишут – и сразу выздоровеешь.

Соседи на кухне то гогочат, то лаются. По коридору бес-

прерывно взад-вперед шастают, в сортире водой шумят, в ванной песни горланят. Кто-то праздничную жратву готовит, поэтому из-под двери запахи ползут такие, что встал бы на четвереньки и нюхал. В общем, коммунальная квартира – это иногда весело, особенно перед праздниками. Только я сижу дома один, психую. Собственно, любой нормальный человек радовался бы на моем месте, как двоечник халявной тройке – делай что хочешь, никто тебе и полсловечка не скажет.

Ну-ка, что я там планировал на сегодня? Допридумать историю про живую статую и записать ее по пунктам, чтобы не забыть. Само собой, я не способен сейчас ничего придумать. Можно, например, книжку почитать – вон, нечитанная стопка лежит. Можно телек включить. Хотя, там уже ничего, кроме всенощной службы нет. Или наоборот, выключить свет, достать из стола брата бинокль и проверить, что веселого в окнах напротив. Сегодня все можно...

Тошно.

Эти гады малышом меня посчитали. Который сопли на пол роняет. На их милицейских мордах ясно было написано: пошел вон, щенок, не суйся во взрослое собачье дело. А мне, между прочим, четырнадцать лет! Я, между прочим, давно знаю не только то, из какого места дети берутся, но и вообще – много чего про нашу жизнь гадостную. Иногда даже накачивает что-то такое, темное, особенно в последнее полугодие. А эта жирная тетка с офицерскими погонами на жирных

плечах так ничего и не объяснила. «Дорогой Александр, – прошипела, – не слишком умничай,» – это уже после того, как я разозлился. Кобра... Ладно, хрен с ней. Просто ситуация такая, что надо действовать, а я...

В зеркале окна отражается моя ненавистная очкастая рожа. Снаружи – ненавистный квадратный колодец двора, составленный из грязных семиэтажников старого фонда. Исторический центр Великого Города. На наши стены плюнуть противно, не то что смотреть. Хорошо – за стеклом темень, ничего не видно. Только окна чужие горят, будто висят в темноте. Там тоже праздник. А у меня, по эту сторону зеркала?

Вот что надо было попробовать: Игоря сюда вызвать! Давно было пора! Жирная кобра такие гадостные намеки делала, что хоть стой, хоть падай. Это меня с ума и сводит, из головы не вылезает. Зачем мой непутевый братец ментам понадобился? Причем здесь вообще Игорь? Короче, надо срочно сообщить ему про сегодняшние обстоятельства – пусть сам и думает. Все, конец мыслям!

К действию, тем более, что...

Почти ночь

(завязка)

Действие №1: Квартира

...тем более, что Александр и так уже вскочил, в три шага преодолел скудные метры своей жилплощади и бодренько вышел в коридор. По пути прихватил красный блокнот со всеми телефонными номерами, лежавший, как было заведено, на холодильнике перед дверью. Телефонный аппарат также помещался, где ему положено – в самом начале общего коридора, в прихожей, возле выхода на лестницу. Удивительно, но по телефону никто не трепался с подругой, никто не дозванивался в справочное, в кассу или в магазин. На кухне, как обычно, обсуждали рыночную экономику: очень громко, однако мирно, без крови. Только дядя Павел вышел из своей комнаты как раз тогда, когда Александр уже нашел в блокноте нужную страницу.

– Звонишь? – удивился дядя Павел. – А который час, знаешь?

– Подумаешь, – ответил ему Александр, – детское время. Немножко нервно сказал, не вполне мужским тоном.

– Ну-ну, – ухмыльнулся сосед. – Если очень скучно, за-

ходи ко мне. Я, это... скоро... – и пошлепал в другой конец коридора. В руке он держал сигареты. Пошел курить. На кухне «черный ход» имелся – ну, просто дверь на жуткую крутую лестницу, которая спускается во двор-колодец. Мама рассказывала, что до революции через «черный ход» прислуга ходила, а приличные люди – вот через этот, нормальный. Правда, в некоторых квартирах он не используется, например, у соседей наверху. В самом деле, зачем дяде Юре и Бэле карабкаться по «черной» лестнице, если другая прямо на проспект выходит?

В общем, Александр дождался, пока сосед исчез с горизонта, и набрал номер. Он волновался – естественное чувство интеллигента, загнавшего себя в дурацкую ситуацию. Юный Александр был интеллигентом. А ситуация заключалась в том, что домики садоводческого товарищества никогда не имели, не должны были иметь и не будут иметь телефонов. Барствовать аморально, господа нищие. Но в одном из домиков сидят и беспрерывно целуются Игорь с Жанной, ведь после вечера в институте они собирались поехать на дачу. Нет, скорее всего не сидят, а лежат – так удобнее целоваться. Но не это важно. Важно, что Игорю нужно срочно вернуться в город. И простейший способ, который нашла украшенная очками голова, был таков: позвонить сторожу садоводческого магазина. Упросить его выползти из теплой постели в холод апрельской ночи, объяснить ему, где находится дачный участок, пообещать за хлопоты все что угодно,

плейер с кассетами подарить, в конце концов!.. Единственный на садоводство телефон был проведен в магазин, и мама давно записала его номер в красном блокноте – на самый-самый плохой случай. И код района записала, потому что звонить надо по междугородному. Вот только дедуля-сторож может спать мертвецким сном бездельника, а также он может отсутствовать, и вообще, техника может примитивно не работать. Каменный век во дворах-колодцах...

Были стремительные, уходящие в бесконечность гудки. Если трубку не возьмут, это несправедливо. Тогда придется, плюнув на собственные планы, переться завтра в такую даль. Были гудки, отчаянно бьющие в равнодушную пустоту.

Трубку взяли!

– Эй? – спросил на том конце удивленный бас. – Кто?

– Простите, пожалуйста, – ответно пронзил пустоту Александр. – Вы, наверное, уже спали...

Заученные с детства волшебные слова мало помогли.

– А? – вскипела трубка и вдруг сменила вопросительные знаки на восклицательные. – Ё-те-в-рот! Ну чего балуетесь, малыцы! Делать нечего, сучья мать!

– Ой, подождите! – изо всех сил зашептал «ё-те-в-рот», нежной ладошкой отгородив свой голос от коммунального коридора. – Ой, это садоводство «Пеночка»?

– Ноги им вырвать мало!.. – эфир кипел несколько секунд. – Ну, «Пеночка», да.

– Мне сторож нужен! В магазине который!

Бас снова удивился:

– Сторож? Я.

– Вы?

– Ну да. Кто же еще?

– Извините, если я вас разбудил. Просто... понимаете...

– Заснешь тут, как же, – сипло хохотнул сторож. – С ихней стрельбой, беготней... Так вы чего звонили, пацанье?

Настала очередь удивляться Александру:

– С какой стрельбой?

Бас обрадовался. Поговорить он все-таки любил, это ясно. Наверное, без жены живет. Наверное, майор в отставке. Или капитан. Обида на весь мир, немытое месяцами тело, нестиранная одежда, плюс тоска, язва желудка, безденежье, одиночество – этот комплект пилюль потрясающе улучшает разговорную потенцию отставников.

– А вот с такой стрельбой, – энергично радовался бас. – Тут милиция приезжала, то ли вязать кого хотела, то ли еще зачем. В дом один пошли, а оттуда всякое сволочье бежать, а милиция за ними, а те прямо по участкам, по огородам, парники кому-то своротили, в общем, не поймали их, су-чья мать. Машина у них где-то стояла. А со мной лейтенант апосля беседовал, только-только уехал взад...

Пришлось терпеливо выслушать, раскаиваясь в несвоевременном толчке любопытства. Хотя, если честно, сведения были интригующими. Никогда еще милицейские протекторы не оставляли следов на девственной почве садовод-

ства «Пеночка».

– Развели демократию, сволочи, – логично подытожил сторож. – Ну, ё-те-в-рот, и получайте по самое «не балуйся». А ты говоришь, какая стрельба.

– Понимаете, – тут же среагировал Александр, пробежав коротким взглядом по коридору, – я вас очень прошу, не могли бы вы сходить к Игорю... это брат мой... он сейчас у вас.

Сначала было молчание. Трубка томительно соображала.

– Чего сходить? – наконец переспросила.

– К нам на участок сходить. Не могли бы? Надо Игорю сказать, чтобы он обязательно ехал домой, у нас несчастье случилось. Мы вам потом заплатим за беспокойство, честное слово...

Трубка еще помолчала, подумала.

– Честное слово, говоришь... Участок-то ваш где?

– Да совсем недалеко от магазина! – возликовал Александр и не сумел скрыть это чувство. – В конце Рыбной улицы, не доходя до ручья. Номер участка 422.

– 422-й, на Рыбной? – деловито уточнил сторож. – Ага, не доходя до ручья... – и вдруг издал звук. Станный звук, будто пробку открыли. – Так ведь это, парень... Дом ведь этот...

– Около площадки, – подтвердил мальчик, обмирая. – А что?

– Милиция ведь... в нем как раз и ловила кого-то...

Телефонный эфир жарко потрескивал – там, в толще электрических сигналов, колыхалось густое частое дыхание.

– Слушай, парень, – чужое дыхание нарушилось первым. – Зовут тебя как?

Вместо ответа Александр осторожно положил трубку.

Потом, не в силах двинуться с места, он стоял и заворожено смотрел на телефонный аппарат. Время стояло вместе с ним. Голова не работала. Кажется, по коридору ходили, звонили посудой, шаркали тапками. Его никто не трогал, а может, он просто не откликался на глупые взрослые вопросы. Хотелось немедленно куда-нибудь звонить. Матери, в Новгород, попробовать разыскать ее на турбазе? Великолепная идея, однако для начала хорошо бы узнать название турбазы. Или позвонить наугад, пожаловаться первому встречному?.. Телефонный аппарат ожил самостоятельно. Разорвавшийся в пустоте звонок пробил вязкую пелену безволия.

Александр принял пальцами вспотевшую пластмассу.

– Алло?

– Слушайте, почему у вас все занято? – вонзился в ухо женский голос. Причем, знакомый голос. Но чей?

– Извините, тут по междугородному разговаривали, – вежливо откликнулся мальчик, он был хорошо воспитан. – Кстати, не очень долго было занято... Вам кого позвать?

– Тебя, дорогой, больше некого. Не узнал?

Вот теперь Александр узнал.

– Ой, – позорно промямлил он.

– Брата, конечно, дома нету, – с удвоенной мощью зазвела следовательша.

– Нету.

– Значит, так. Слушай меня внимательно, дорогой. Если твой братец вдруг объявится, передай ему, чтобы не дурил. Все равно найдут. Это ему обещаю я, капитан Мелкач.

– А что случилось? – спросил Александр. Он был почти спокоен, честное слово. Только фразы получались с трудом – сердце колотилось в горле.

– Не волнуйся, он знает.

– Да не виноват Игорь! Я же вам все рассказал, почему вы мне не верите?

– Дорогой мой, – ласково сказала женщина, – кто же спорит? Ты такой умный, а не понимаешь – если не виноват, пусть приходит, разберемся. Зла ему никто не желает. Ладно, отбой, мне некогда. Хорошо запомнил, что передать?

– Нет! – выдохнул воспитанный мальчик в ненавистный канал связи. Затем продолжил, согласуя дыхание с сердцебиением. – Если не скажете, что случилось, никому ничего не передам! Сейчас тетрадь достану и буду сочинять про живую статую! И все, понятно?

Не сдержался. Не сдержался, увы.

– О! – искренне восхитилась следовательница. – Характер у мужика прорезался. А вот сочинять не советую, кто-нибудь обязательно раскусит... Ну что ж, если тебе интересно, обрисую ситуацию. Решила я после разговора с тобой

послать наряд к вам в садоводство, прояснить с твоим хваленным Игорем кое-какие неясности. А парни милицейскую машину увидели, и в рассыпную, будто настоящие бандюги. Что мне после этого прикажешь думать?

Александр молча открывал и закрывал рот. Действительно, что он мог «приказать думать» этой облеченной властью женщине?

– Ладно, отбой, – вколотила она последний гвоздь. И отключилась, удовлетворенная проделанной работой.

Маленький человек вновь остался один – застыл, ссутулившись над тумбочкой. «Отбой, – крутилось в голове страшное словечко. – Отбой, отбой...»

– Отбой, – проговорил он с отвращением. И привычным движением поправил очки.

– С кем это ты так шикарно беседовал? – поинтересовался дядя Павел. Оказалось, он уже покурил и теперь стоял перед дверью в свою холостяцкую комнатенку.

– Да ну их, – пробормотал Александр, глядя в пол. – Придурки.

Сосед понимающе кивнул:

– Отлично сказано.

Действие №2: Институт

Фонарь, охраняющий институтский двор, расстреливает кафедру в упор. На стене казенного помещения в окружении застывших черно-белых фантомов колышутся, то сливаясь в одно целое, то распадаясь, две тени. Одна тень в руках другой – в голодных мальчишечьих руках.

За окном – поздний вечер. Почти ночь.

Боже, как все это романтично.

А завтра – день Пасхи, призванный, судя по грозному ликованию газет, сделать православные массы добрее и чище. Теснее ряды, товарищи по массе. Вот только демонстрация, к счастью, не предусмотрена. Не надо являться в институт с первыми лучами весеннего солнца, не надо тащить в руках бодрящие хоругви. Институт останется пуст, спрятавшись от праздника за надежными дверями.

Удобное место для действия...

Впрочем, час назад мальчишка был мужчиной. О, еще каким! Час назад ему было двадцать четыре года, в точном соответствии со свидетельством о рождении. Волной вставало напряжение, и джинсы были тесны, и губы огромны, и запахи близко-близко... О, какой женщиной была она! Пьянея от своей власти, она ловила распахнутыми зрачками его муку и впитывала кожей его жадное дыхание. Нежность смело прорывалась сквозь корчащиеся в попытке рты, смело разноси-

лась в запертом пространстве института, а потом был взрыв, и Вселенная в который раз стал новой...

* * *

– У меня такое ощущение, будто мы взломщики, – сказал Игорь. – Бродим по чужим помещениям, сейчас будем жрать чужую еду... – Он глупо, совершенно не к месту улыбался. Наверное, вспомнил вдруг о чем-то очень приятном.

Жанна грациозно двигалась, влезая в свитер.

– Почему взломщики? – возразила она сквозь шерсть. – У тебя официально есть ключи от кафедры, а на кафедре есть официальные ключи от остальных дверей. В конце концов, что нам в лаборатории делать?

«Действительно, – подумал Игорь. – В лаборатории диван не предусмотрен. А здесь, у заведующего кафедрой – о, еще как предусмотрен.»

Чай заварили прямо в стаканах, чтобы быстрее. Сухари и сушки были высыпаны из кулька на тарелку. Наконец, главное – коробка с недоеденным тортом, оставшимся от вчерашних кафедральных посиделок, по праву заняла центр композиции.

Игорь безжалостно вонзил чайную ложку в кремовую розочку и наполнил рот густым, сладким, изысканным. Затем приложился к стакану вытянутыми в трубочку губами, отхлебнул, обжигаясь. Жанна села на стул рядом. Взяла с та-

релки сухарь, громко куснула и тоже склонилась над черным дымящимся пойлом.

– Ладно, – он неожиданно встал. – Надоело в темноте, я включаю свет.

Она вскочила следом.

– Подожди, сейчас посмотрим... – и порхнула к окну.

Момент: ее обтянутый силуэт застыл на фоне ночи. Игорь тоже застыл, глядя на нее.

И вновь – словно жаром окатило, снизу вверх, из штанов в голову. Нежность наполнила током крови все, что полагалось, нежность больше не желала вмещаться – ни в голове, ни в штанах. Молодой человек забыл про свет. «Подойти, – думал он. – Сзади. Обнять. Она положит мои руки себе на грудь...»

– Иди скорей сюда, – глухо сказала Жанна.

– А? – выдавил он, мучительно просыпаясь.

Послушно подошел. Сзади. Но обнять любимую женщину не смог, потому что в институтском дворе были люди. Два темных субъекта, один за другим огибая лужу, перемещались в пространстве фонаря. Каждый тащил нечто тяжелое, ящикообразное. Плюс еще один – впрочем, тот уже скрылся под аркой, ведущей из второго двора в третий.

– Они нас не заметят? – спросила Жанна.

– Снаружи ничего не видно, – квалифицированно объяснил Игорь. – Тем более, второй этаж... – Он напряженно всматривался. Когда двор опустел, раздраженно добавил. –

Вот вам и уединились. Романтика, называется!

– Кто это был? – кинула Жанна очередной вопрос.

После минуты мозговых усилий Игорь подвел итог:

– Ни фиги понять невозможно.

Столь отточенная формулировка позволила вернуться к ужину. А что еще оставалось делать? Неопознанные субъекты больше не появлялись, ни темные, ни светлые, ни какие иные.

– Вот бы сейчас влипли, – угрюмо констатировал Игорь, отрезая при помощи чайной ложки новый кусок торта. – Включили бы свет, а они сразу к нам – мол, дорогие коллеги, предъявите ваше разрешение на работу в ночь.

– А мы им: «Предъявите ваше». Вряд ли у них найдется.

– Никогда не ел ничего вкуснее, – удивился он, трогательно чавкая.

– Изголодался, – ласково сказала она, хрустя на всю кафедру. Вдруг легко приподнялась и пересела со своего стула к нему на колени, оставив чай недопитым. Обняла его за плечи, прижалась к теплому телу. Ее тело было еще теплее. – Боже, какой ты у меня хорошенький! Извини, что я тебя так... Кормлю сухарями вместо яичницы. Совсем тебя не жалею...

– Тортом, – улыбаясь, поправил он. – Тортом кормишь.

Губы ее были рядом. Запахи ее сводили с ума. На коленях у него сидела женщина, его женщина. Разве можно в это поверить? Он поставил стакан, положил ложечку и взял женщину в свои руки именно так, как она хотела – обвил грудь

по звериному, по-мужски.

– Колючий, – Жанна уменьшила громкость до шепота. – Об тебя карандаши точить можно.

– Я собирался на даче побриться, но...

– Бедненький мой, небритенький. Писатель мой, гений мой непризнанный... – ничем не сдерживаемая любовь была в ее губах. – Ты кушай, не обращай на меня внимания. Я только посижу чуть-чуть у тебя и успокоюсь.

– Какой я писатель! – откликнулся он невпопад. – Не печатаюсь... Кому я нужен?

– Мне! – обдала она его одуряющим жаром, явно не собираясь успокаиваться. – И вообще, кончай комплексовать. Ты талант, я тебе даже иногда завидую. Особенно, когда ты где-то там, в облаках. Я-то ни на что не способна, дура... Кстати, почему тебя не печатают? А в «Русских горках»? Первая публикация, не все же сразу.

Теперь она говорила с неожиданной серьезностью.

– Подумаешь, в газете напечатали, – он скривился.

– Зато в Москве. Популярная, кстати, газета. Два месяца печатали, с продолжениями!

– И повесть дерьмо. Самое старье взяли.

– Зря ты на кафедре никому эти газеты не показал, к тебе бы по другому относиться стали.

– Я и дома никому не показал, даже брату. Позорище... Жан, ну чего ты меня терзаешь?

Он кокетничал. Он жутко комплексовал в своей непри-

знанности, это было видно невооруженным глазом. Бедненький... Взять его в ладони, встряхнуть, прижать к груди. Она сделает его большим и настоящим, иначе зачем жить?.. Жанна рассудительно сказала:

– Ты гонорар получил? Получил. Перестань дурить, первая публикация состоялась.

– Гонорар! – он саркастически хохотнул. – Я этими переводами нашу почту замучил, они там меня, наверное уже zapomнили. Каждые полмесяца – извещение... Смех, а не гонорар.

Жанна погладила его раскаленными пальцами. По лбу, по щекам, по шее. Потом, расстегнув ему пуговицы рубашки, обожгла прикосновениями живот. Потом там, где он нестерпимо ждал. Игорь закрыл глаза. Она лизнула его за ухом:

– Пошли снова на диван.

Тогда он попытался встать с ней на руках, и она со счастливым ужасом закричала:

– Ненормальный! Надорвешься!

Все-таки он встал. Бесформенная тень на стене устроила сюрреалистический танец. Нежность жаждала освободиться. Диван был рядом – достаточно шага, чтобы прекратить пытку.

Но вечер еще не собирался кончаться.

Со двора донесся гулкий звук. Короткий металлический хлопок – будто выстрел. Бум-м. Танцующая тень распалась на две. Непрошенные наблюдатели, отпустив друг друга,

мгновенно телепортировались к окну.

Там был мужчина – один из тех, предыдущих. Он горбился над чем-то квадратным, неопрятно-темным, уныло лежащим под его ногами. Из-под арки выбегал второй мужчина. Оказавшись рядом с первым, тоже сгорбился, даже на корточки опустился – помогать. Они явно что-то собирали с земли, и при этом не слышно, но очень выразительно двигали губами.

– Коробку уронил, – с ненавистью прокомментировал Игорь. – Нес, нес и грохнул, идиот.

Жанна не откликнулась.

– Не могу больше, надоело, – продолжил он тогда бурлящим голосом. – Пошли отсюда. Разбудим охрану, и нас выпустят. В крайнем случае после праздника выговор влепят, максимум. Ну, завкафедрой еще полмесяца будет косо смотреть. Кстати, что мы здесь завтра целый день будем делать? Ну, я бы методичкой занялся, ну, с голодухи столовую бы ограбили...

Неизвестные личности во дворе уже прекратили ползать по асфальту и, подняв коробку, осторожно тащили ее вдвоем.

– Да прав ты, прав! – сказала Жанна и отодвинулась. – Только, по-моему, лучше не к проходной идти, а сначала к дежурному. Наверняка это свой человек, инженер какой-нибудь вроде тебя.

Игорь остудился сразу: он не выносил, когда Жанна ото-

двигалась.

– Извини, чего-то я разозлился не по делу, – признал он. – Хорошо, пошли к дежурному. Вместе или как?

Была тишина. Тени замерли. Сквозь опустевший двор перемещался грязный обрывок распечатки, влекомый порывами сквозняка. Жанна смотрела в окно.

– Темноты не боишься? – вдруг спросила она, не поворачивая головы.

Вполне серьезно спросила. Он постарался не возмутиться:

– А что?

– Я пока здесь побуду. Вон туда поглазею, вдруг еще что-нибудь увижу, – ткнула пальчиком в раму. Оконное стекло отозвалось недовольным дребезжанием. Тогда Жанна нарисовала на нем большую букву «И», потом «+», потом «Ж» – и бросила детское баловство.

– Ладно, – решил Игорь, – я быстро.

Твердо прошагал в противоположный конец комнаты. У двери остановился:

– Все будет в порядке, я с ним договорюсь.

Еще шаг.

И место действия переменилось.

Идти было трудно: здорово мешала голова. Эта капризная часть тела бесконечно оборачивалась назад, проверяя, нет ли кого-нибудь сзади. На перекрестках осторожно выглядывала, прежде чем позволить ногам двинуться дальше. Голо-

ва вела себя недостойно. «Чего ты боишься? – уговаривал ее путешественник. – Темно, пусто. Психовать нет причин, нет причин, нет причин...» Голова не доверяла словам разума. Только ушам доверяла, заставляя их лихорадочно сканировать окрестности – до спазм в перепонках... «Ну хорошо, – думал путешественник, пугливо перемещаясь в лабиринте одинаковых стен, – а что сказать? Добрый вечер, я к вам в гости. Мы, знаете ли, тут с подругой случайно заблудились. Не подскажете дорогу?...» Дежурный, придя в себя, не поверит не единому слову. Наверное, очкарик какой-нибудь, умник, невротик. Наверное, псих вроде всех нас. Да и как не стать невротиком в этом гигантском колдовском замке?..

Новое место действия манило ослепительным светом, вырывавшимся из приоткрытой двери. Приемная проректора по материально-техническому обеспечению. Пост ответственного дежурного – здесь. Молодой человек остановился поодаль, умиряя волнение, чуть выждал и продолжил путь. В кабинете громко работало радио, наполняя пространство стилем «кибер-поп». Повинуясь назойливому ритму, в мозгу отплясывали варианты вступительных фраз. Гость вежливо постучался, затем помог двери распахнуться – щурясь, напряжено всматриваясь заслезившимися глазами.

Увы, вступительные фразы не понадобились, потому что хозяина в кабинете не было.

Молодой человек переступил порог. В центре, прямо на огромном нечищенном ковре почему-то лежал мужской пи-

джак. Кроме того, беспорядочно валялись широкие мягкие стулья, обычно шеренгой стоящие вдоль стены – на них вполне удобно спалось во время дежурства. Был сворочен на бок столик с пишущей машинкой. Сама машинка нелепо громоздилась у окна, выставив напоказ ржавеющее брюхо. Странная обстановка для приемной проректора... Гость склонился над пиджаком, не дотрагиваясь, потом выпрямился, недоуменно озираясь.

И тут наконец обнаружился дежурный.

Он оказался крупным мужчиной очень даже спортивного вида. Но вовсе не тем любителем вечерних пробежек, которого наблюдали спрятавшиеся на кафедре романтики. Он лежал между боковой стенкой и столом секретарши, поэтому заметить его было непросто. Дежурный пристально смотрел на лампу дневного света, не моргая, не шевелясь. Из его открытого рта тянулась по щеке аккуратная дорожка запекшейся крови, из груди его, проколов рубашку, коротко торчало что-то тонкое, отвратительно красное. И тогда незванный гость закричал, не слыша своего голоса.

Монолог: На лестнице

Погода наша, фирменная, люблю такую. Целый день тучи – увесистые, без конца и без края, из-за них сегодня нормальный вечер, с нормальной темнотой на улицах. У нас ведь, начиная с мая, вечера практически отменяются, а в июне и ночи тоже. Это называется «белые ночи» – ну, когда закат в полночь, небо чуть-чуть потемнеет ради приличия, и все – в пять утра восход. Помню, прошлым летом мы с мамой провожали одного родственника с Финляндского вокзала, так вот, вместо того, чтобы обратно на автобусе ехать, мы поперлись пешком. Маму одолело что-то поэтическое, и она решила мне показать «это незабываемое явление». Интересно, конечно. Белая ночь – в самом деле явление. Темноту будто ветром приносит на пару часов и уносит. Да и какая там темнота! Курам на смех, читать запросто можно, если глаз не жалко. До сих пор картинка перед глазами стоит: во круг ночь, но серое небо быстро краснеет, краснеет, потом облака светиться начинают, и вдруг уже утро. Мы тогда почти всю Неву прошагали – смотрели, как мосты разводятся, удивлялись, как много людей на улицах, мама меня в свой плащ кутала, а когда возле моста лейтенанта Шмидта домой свернули, солнце снова вовсю светило – как днем, несмотря на сумасшедшую рань. Только улицы были пустые, транспорт еще не ходил, жуть...

Странно, что это меня на лирические воспоминания потянуло? Наверное, дождь виноват. Шелестит по крышам, стучит по карнизу, успокаивает нервы. Проспект глубоко внизу – черный от воды. Город в пелене, весь подсвеченный ртутными фонарями... Тьфу! Опять красивые фразочки лезут... Просто в окне лестничного пролета под нашим этажом разбито окно, еще зимой разбито, и сквозь него слышно, как дождь шумит, иногда автобусы отдаленно взрываются, трамваи громят. «Внешний фон», как любит говорить сосед дядя Павел. А я по лестнице на полпролета вверх поднялся, стою на площадке возле дурацкого окна полукруглой формы, вожу носом по стеклу. Стою посередине между нашим шестым этажом и седьмым, где дядя Юра жил. Лестница вокруг лифта горным серпантинном закрутилась, ступеньки поскрипывают – такая здесь обстановка...

Мыслю.

Я просто так сюда вышел. Состояние нервное, не могу больше в комнате, не могу. Двор наш поганый глазееет на меня, свет не дает включить. Никак не успокоиться. Каша в голове – дядя Юра, следовательша, причитания Бэлы, разговоры, сплетни, слухи. В довершение всего на даче какая-то хреновина стряслась. Неужели Игорь в самом деле от ментов убежал? Бред. «Парни» непонятные, чья-то машина... Да не убежал бы он ни от кого, слабак, даже если бы очень захотел! Но тогда кто там был? Воры? Чушь собачья! Кому понравится наш развалюшный домик, из которого, кроме ста-

рых сапог, и взять-то нечего. По всей Рыбной улице наш участок самый неухоженный – у других грядки как грядки, кусты как кусты, парники, колодцы... И главное – куда подевались Игорь с Жанной? Воры вряд ли унесли бы их с собой, а менты, наверное, дачу вверх дном перевернули... Ну, хорошо, допустим братец все-таки вляпался в историю, допустим, его не зря следователяша увидеть хочет. А Жанна? Ей что, тоже есть из-за чего бегать по пересеченной местности? Короче, «ни фига понять невозможно» – выражаясь любимой фразой Игоря.

Гораздо понятнее то, что сегодня у нас на лестнице случилось. Накрытые простыней носилки, торчащая наружу рука – чего тут непонятного? Я, когда по ступенькам взад-вперед метался, каждое слово ловил, как радар. И соседские разговоры слушал, и тех, из милицейской машины. В милиционерах-то я быстро разобрался: их приехало четверо, два мужика назывались «оперуполномоченными», еще один – «эксперт-криминалист», а вот тетка – это уже «следователь». Они и вызвали вторую машину, которая дядю Юру в морг повезла. Оперуполномоченные потом ходили по квартирам, выясняли, кто заметил что-нибудь подозрительное. У нас тоже был. Следователяша так и не выходила с «места происшествия», наверное, Бэлу выпрашивала о ее барской жизни. Когда оперуполномоченный убрался, вся наша коммуналка собралась на кухне. Говорил Андрей Петрович. Он ведь понятым был, то есть все видел своими глазами. Андрей

Петрович – это один из соседей, кстати, участковый врач во взрослой поликлинике. Они с женой и сыном проживают в двух самых дальних комнатах напротив ванной. Сын у них – бугай, хамло, сволочь, на заводе каком-то работает, а сами они ничего, нормальные. Сосед нам много чего рассказал. Оказывается, убийство произошло не сегодня, а вчера, часов примерно в восемь вечера. Это эксперт-криминалист сразу определил. Почему милиция решила, что дядю Юру именно убили, что он не сам умер, например, от какого-нибудь сексуального фильма по телевизору? Его ведь в кресле нашли, сидящим как раз перед работающим телевизором, причем ни крови, ни раны, ни других зверских штук на нем не было. Зато линии на нем были, ну, эти... Ну вот, забыл. Короче, электричеством его убило, а линии эти как раз от электрического тока появляются. Андрей Петрович очень увлекся, когда труп расписывал – по медицински так, сочно, бабам на кухне даже поплохело. Мне-то ничего, я трупы часто видел у дяди Юры по видео. Он при мне только секс вырубал, а фильмы ужасов или боевики – смотри, сколько влезет. Так, значит, следы эти – они на голове были, в районе ушей. А проводов рядом никаких. Правда, розетка сбоку от кресла, но все равно – откуда электричество взялось? Ясное дело, кто-то помог. Кроме того, дядю Юру то ли усыпили сначала, то ли мозги какой-то химией задурили. Мужик, который назывался «эксперт-криминалист», заподозрил это по зрачкам. Андрей Петрович сказал, что тот долго-долго дядины

Юрины глаза разглядывал... И главное – «черный ход» у них оказался открыт! Дело в том, что дверь на заднюю лестницу в квартире Бэлы всегда была заколочена доской, в придачу к обычному засову, а теперь вдруг – откупорена. В общем, все элементарно: убийца пришел в гости, отравил хозяина, для верности подключил его к электрической розетке, освободил на кухне «черный ход» и удрал через двор-колодец. Почему удрал именно тем, загаженным кошками путем? Еще проще: чтобы никто случайно не увидел. Задняя лестница хоть и страшненькая, хоть и можно на ее ступеньках ноги переломать или ребра пересчитать, зато на этажах максимум по одной двери. Да и то не на каждой площадке, потому что в некоторых других квартирах нашей половины дома задние двери тоже забиты намертво. Кстати, все квартиры, которые по парадной лестницы напротив нас находятся, имеют другой, свой собственный «черный ход» – вот какие хитрые дома раньше строили...

А потом вдруг появилась следовательша, часов примерно в девять вечера. Наверное, допросила жену убитого и сразу решила за обвиняемых взяться. Причем, обвиняемые очень легко нашлись – понадобилось только спуститься ниже этажом. Хрен ее знает, чем ей наша семья не понравилась, но она, не задерживаясь, прямо ко мне в конуру ввалилась, и с порога – вопросами в лоб. Может, конечно, она всех людей подозревает в убийстве, а может мне от нервов показалось, что она на Игоря зуб точит, но как еще понять ее любопыт-

ство?

Для начала следовательшу заинтересовало, почему я сижу дома один. Ну, объяснил ей: потому что остальные отсутствуют. А где они отсутствуют? Очень просто: мать на турбазе, брат собирался вечером ехать на дачу, а что? А ничего, но только где дача расположена? И кем работает брат? И на какой турбазе мать? И вообще – как тебя зовут, дорогой, сколько лет, хорошо ли учишься?..

До чего мерзкое чувство, когда посторонний человек сует нос в твои семейные дела! А ты не можешь ни послать его подальше, ни даже просто схамить – отвечаешь, как паймальчик, и лихорадочно соображаешь, что бы все это значило. Собственно, ничего интересного в наших тайнах нет. Мама бьется, бьется, мечтает сделать жизнь счастливой, хотя бы мою с Игорем, если уж свою не получилось, но толку ноль. Когда меня еще на свете не было, она для совсем полного счастья взяла на работе садовый участок, наняла кого-то временку соорудить, назвала это «дачей», короче, прибавила себе головных болей. С тех пор каждый отпуск, почти каждые выходные мотается туда сельское хозяйство поднимать, и нас с братом заставляет. Но теперь, кажется, мама устала строить счастливую жизнь, во всяком случае неделю назад она купила профсоюзную путевку и сейчас уехала на три дня в Новгород. Она у меня чертежница, работает в какой-то конторе. Так что, надеюсь, не одна отдыхать уехала... А про Игоря вообще нечего рассказывать! Уже год как

перестал быть студентом. Работает в том же институте, где учился, на кафедре. Не знаю, что это за такое – кафедра, но, по-моему, жутко халявное место. Он ходит на работу, когда хочет, спит до десяти утра, а приходит обратно, бывает, даже раньше меня. Правда, ему часто приходится по вечерам в институте торчать, если там вечерние уроки есть. «У меня, – говорит, – по средам последняя пара.» Важно так говорит, хотя «пара» – это совсем не оценка в журнале, которую он студенткам ставит, а два раза по 45 минут, то есть два урока подряд. Ладно-ладно, я тоже, когда вырасту, буду в свободное от сна время ходить на «пары», если, конечно, из школы живьем выползу. Кстати, Игорю не советовали оставаться на кафедре. Дядя Павел, сосед по нашей квартире, ну, который за стенкой живет, он ведь тот же самый институт кончал. Давным-давно, но до сих пор всех тамошних собак знает. Он и отговаривал. А когда наш гений заупрямился, сосед не поленился, сходил в эту контору, с кем-то поговорил, в результате Игорю сразу хорошую должность дали... Институт совсем рядом с домом, полчаса ходьбы или десять минут на автобусе. Брат, собственно, из-за своей лени и остался там. Шутка у него даже есть: «Работа, – говорит, – интересная, делать ничего не надо.» Свободный человек, писатель. И Жанну свою он тоже в институте нашел, они, кажется, чуть ли не за соседними столами сидят...

Беседовал я со следовательшей, потел от неизвестности и наконец догадался! Именно когда она уточнила, не особенно

стесняясь, какие у Игоря с Жанной отношения. Все очень просто – сначала задурила мне мозги всякими идиотскими вопросами, потом ловко сменило тему и перевела разговор на Игоря. Я раскусил ее гнусный план!

Вру, конечно. Не раскусил я ничего, потому что в тот момент кошмарная мысль только-только в моей голове копошиться начинала... Насчет «отношений» между Игорем и Жанной ответить было элементарно. Ясно, какие! К примеру, предыдущей ночью от их отношений материн диван так скрипел, что я заснуть не мог. Лежал на раскладушке в своем закутке и слушал. Обрадовались они, что мать уехала, а я для них кто? Я маленький, меня можно не бояться, все равно ничего не пойму. Я и не понял – как это они умудрились без других звуков обойтись? Рты друг другу зажимали, что ли? Мать, когда еще искала нам папу, иногда отправляла Игоря в лагерь и на неделю-другую приглашала к нам гостя. По ночам они с гостем решали, что я уже заснул, и тоже скрипели диваном, но одновременно шептали что-нибудь идиотское – вроде «Ой! Ой! Ой!» или «А! А! А!» Хотя, в то время я действительно был маленьким и ничего не понимал... Будь я немножко повыше ростом и поприличнее рожей, сам бы имел с Жанной отношения не хуже, точно! Она, гадина, совсем не стесняется меня – раздевается, переодевается. А у нее под кофтами и джинсами... На ней там все прозрачное! Не то, что у мамы. Я в такие моменты не знаю, как стоять, куда смотреть, и вообще, в башку сумасшествие всякое прет,

особенно, если в комнате мы одни. Разные мысли – что, мол, она специально при мне так, что вот сейчас она предложит чего-нибудь такое, и внутренности у меня сжимаются, а она быстренько халатик на себя и бегом в ванную. Игоря, когда он Жанну лапает, я вообще просто ненавижу...

Из разговора со следовательшей вспоминать больше нечего. Ну, объяснил я ей, что этот придурок балдеет от Жанны, как семь гномов от Белоснежки, короче, что они жених и невеста. Тогда она мимоходом спросила, куда и во сколько времени молодые люди сегодня ушли... А ушли они как раз перед началом событий, часа в четыре дня. Там у них в институте христианский вечер, а потом концерт какого-то знаменитого юмориста, на которого все ломаются. Из института они собирались сразу на дачу... Потом следовательша плавно вырулила на вчерашний вечер. Уже не скрываясь – прямо на время, когда произошло убийство. И поехала гусеницами по психике! Мол, куда брат выходил, когда вернулся обратно?..

Да, Игорь выходил вчера из дома! Как нарочно – именно в пол-восьмого или чуть позже. Причем, долго его не было, вот ведь не повезло лопуху... Он спускался на автобусную остановку Жанну встречать, которая со своей Гражданки ехала. Ей сначала на метро нужно, и дальше на автобусе. Он всегда ее встречает, если знает, что она идет к нам в гости. Ждет, ну просто как собачка, за ним даже наблюдать смешно. Бегаёт на каждый звонок, то к телефону, то к дверям, потом не вы-

держивает и высказывает ждать на улице. Остановка возле подъезда, очень удобно... Так и вчера. Но только Игорь убежал, вдруг Жанна звонит из автомата. Хотела предупредить, что забыла проездной билет, ехала «зайцем», а в автобусе контролер объявился. Еле успела выскочить. Хорошо, это на предыдущей остановке случилось, так что ерунда, расстояние здесь – тьфу. Чтобы не рисковать, она до нашей парадной пешочком дотопала. Сделала Игорю сюрприз, он ведь ее по автобусам ловил. До чего глупо получилось! Минут через десять после звонка они домой поднялись, оба веселенькие, ничего не подозревающие, а в это самое время дядю Юру кто-то убивал...

Кошмар.

Да кто угодно мог это сделать! Любой гад с улицы – вошел в квартиру с главной лестницы, потом вскрыл дверь на кухне и ушел через двор. Понятно, что дядя Юра хорошо знал убийцу, иначе у того не получилось бы так гнусно его подловить. Но ведь он с половиной города за руку здоровался, со всякими крутыми людьми, артистами, телевизионщиками, бандитскими начальниками. Он был кем-то вроде администратора при Бэле. Как теперь его жена сможет свои предсказания народу пропихивать? Ладно, не мое дело. Короче, знакомых у него был миллион! Не одна же наша семья? И, кстати, из нашей семьи только я с дядей Юрой постоянно контактил, ну, мать еще иногда просила его о каких-нибудь пустяках. А Игорь – нет, абсолютно нет. Игорь в основном с

дядей Павлом общался, у которого в комнатенке тоже аппаратуры полно. Конечно, тот мужик умный, с ним всегда интересно, и руки у него золотые. Что вы хотите, это настоящий инженер, не то что мой брат-халявщик. Я подозреваю, что дядя Павел настраивает на досуге технику разным баринам, денюгу зашибает. Хотя, опять не мое дело... Так вот, почему именно Игорь? По-моему, если уж обвинять человека, то надо сначала ответить, зачем ему такое понадобилось, и только потом выяснять, каким образом он мог осуществить задумку. Но следовательша узнала, что Игорь во время убийства где-то шлялся, и сразу обрадовалась – ага, нашелся преступник! Дура, а еще в погонах. Если так рассуждать, тогда вся наша коммуналка могла дядю Юру к электричеству подключить, потому что, например, сынок Андрея Петровича, хам этот длинноволосый, он пришел с работы ровно в восемь, точно когда радио пиццало, я прекрасно помню. Или семья, которая напротив нас живет, муж с женой – они вчера вечером собирались в театр и, кажется, уехали примерно с семи до восьми. В конце концов, дядя Павел тоже из квартиры выходил! Вскоре после того, как Игорь удрал Жанну встречать, он постучался, заглянул ко мне, сказал, что если ему позвонят по телефону, то пусть перезвонят, и пошаркал через кухню на «черную» лестницу – курить. Он дымил там как раз в самое подозрительное время! Правда, ему было бы не просто к дяде Юре попасть, потому что «черный ход» даже у нас снаружи не открывается, только изнутри, а в квартире

наверху тем более. Вряд ли дядя Юра специально для дяди Павла, совершенно ненужного ему человека, стал бы отдирать доску. И я уверен, везде по нашей лестнице точно так же – кучу народу заподозрить можно, если очень захотеть.

Боже мой, да при таких методах выпрашивания и я сам вполне подозрительный, и Жанна с ее автобусной историей, и даже моя мать! Что, разве трудно подключить к розетке усыпленного человека? Любой первоклассник справился бы... Уйма версий про всех нас сразу придумывается, хоть роман пиши. Правда, лично я никуда не выходил. Правда, у Жанны тоже все в порядке – ехала со своей Гражданки, это точно, и никак не успела бы, во-первых, доехать, во-вторых, незаметно подняться к дяде Юре. Ведь Игорь сначала договаривался с ней по телефону, а потом караулил возле подъезда. Мать моя еще позавчера уехала из города – опять же алиби. Но поди докажи что-нибудь, если от вопроса «зачем» отмахиваются, как от мухи!

Я пытался втолковать это следователю. Она только подло ухмылялась и повторяла, как магнитофон – не волнуйся, мол, разберемся, никого в обиду не дадим, наша милиция самая вежливая в мире. Ну, я и не выдержал, выдал ей бесплатную мысль, куда лучше предыдущей. Вы знаете, начинаю так солидно, ведь Бэла с дядей Юрой всегда считали, что душа у человека живет гораздо дольше самого человека, что душа – просто такой сгусток энергии, который переселяется из одного тела в другое. Энергия здесь особенная, неж-

ная – называется «тонкая». Слыхали когда-нибудь? Так вот, вдруг дядя Юра пострадал за правду? Представляете, пришел к ним в гости какой-нибудь Душеед, ну, вроде вампира-аккумулятора, загипнотизировал его, усадил в кресло, и зарядился чужой энергией. Оставил от дяди Юры одну оболочку, чтобы тот больше не болтал лишнего про переселение душ. Повезло Бэле, что на своей загородной вилле задержалась, иначе ее бы тоже скушали, не побрезговали. А те следы-линии, которые у дяди Юры на ушах остались, не от электричества они, а от ладоней Душееда. Короче, убийцу элементарно найти. Надо со всех подозреваемых снять энцефалограмму, и кому поставят диагноз «шизофрения», тот и есть подпольный вампир-аккумулятор. Понимаете, говорю следовательше, пока вторая душа переваривается, у Душееда должно быть раздвоение личности...

Эта версия ей не понравилась, хотя она почему-то меня не перебивала. Послушала, потом как долбанет – «откуда тебе известен способ убийства, мальчик!» Пришлось ее разочаровать, рассказать про Андрея Петровича. Напоследок обозвала меня «будущим писателем», наверное думала, что обижусь. И скорее закруглила беседу. Перед тем, как отчалить, записала адрес нашего садоводческого участка, и привет...

Странно все это.

Не могу понять, почему менты Игоря заподозрили? Не могу, и точка. Он же рохля, хоть и длинный. Тоже мне, молодой писатель! Промахнулась следовательша, когда меня об-

зывала, не в того попала... Вот я, если вырасту, на самом деле стану писателем – назло им всем. Пусть смеются, пусть копят слезки для моих шуток...

Значит, так. На чем я вчера остановился? Статуя получилась живой, соображающей, только двинуться с места не могла. Древний мастер сделал ее и тут же умер – рядом, не выходя из мастерской. Вот она и ожила, потому что его душа вселилась в статую. Нынешние мастера так не смогут, не та школа... Дурацкая идея! По-моему, тысячу раз такое уже придумывали. Надо как-нибудь извернуться, что-нибудь оригинальное раскрутить... Статуя была мужиком, греческим суперменом. Помнила того культуриста, с которого ее лепили. Естественно, не могла повернуть голову, чтобы посмотреть на себя, не знала, как она одета и одета ли вообще. Сначала люди вынесли ее из мастерской, поставили на пьедестал – в парке перед красивым дворцом. Потом другие люди валили ее с помощью веревок. Потом ее вновь поднимали. Предположим, статуя стояла долго, дворец постепенно разрушался, парк дичал, а ей хоть бы что. Однажды кто-то соскреб золотую краску с ее глаз, и она ослепла. Опять долго-долго стояла. Прозрела после того, как поработали реставраторы. Увидела, что вокруг сплошные уродливые дома и много людей, которые не обращали на нее внимания. Часто в руках людей статуя видела сумки, на которых была изображена она сама. Точнее, рожа того давнего мужика-культуриста, который позировал мастеру... Что еще? Что дальше

было со статуей?

Не знаю. Концовки нет, не придумывается. Глупая история, рассказать ее кому-нибудь стыдно...

А?

Действие №1: Лестница

Он очнулся. Оказалось, он все еще торчит на лестнице, совершенно замерзнув. Подоконник уже весь вытерт, до блеска, в то время как рукава рубашки... Ну, мать обидится за такое свинство!

А снизу кто-то поднимается. Он перегнулся через перила, посмотрел в щель между лифтом и лестницей – шли два парня в спортивных костюмах. Спортсмены, что ли? До шестого этажа дошли! Он спрятался за лифт и почему-то испугался. Но выше спортсмены не захотели подниматься, остановились, разговаривая. Было прекрасно слышно – у них там в разбитое окно дождь шумел, а здесь нет.

– Он точно в этой квартире?

– В этой, звони.

– Вдруг снова менты?

– Мы же в гости идем, вежливо. В крайнем случае выяснят личности и отпустят.

– Кузьмичу после дачи охота квартиру проверить, а мы – поганься.

– Время теряем, звони.

Тот, который командовал, приспустился на пол-пролета вниз и спрятался за шахтой лифта, почти как мальчик выше этажом. Тот, который остался, выцедил: «Ну, если он здесь, падла...» и ткнул пальцем в кнопку звонка.

Открыл дядя Павел.

– Извините, что так поздно, – сказал парень. Культурно сказал, совершенно другим голосом. – Мне нужен Игорь, можно его позвать?

– Можно Машку под забором, и то после командира, – мгновенно ответил дядя Павел. И дружелюбно ухмыльнулся. У него такая шутка была. В армии ни в коем случае нельзя употреблять некоторые слова, например, «можно» или «кончать», иначе в дерьме вывалиют. Спортсмен, видимо, не знал этого по молодости.

– Чего-чего?

– Вообще-то Игоря нет дома, – дядя Павел перестал ухмыляться. Какой-то встревоженный сделался, громкий. – Он на даче, давно уехал. А в чем дело?

– Да так... Извините за беспокойство.

– Что-нибудь случилось? Хочешь, я его братишку позову. Мальчик, по-моему, еще не спит.

– Извините, – заученно повторил спортсмен и начал медленно спускаться вниз. Дядя Павел не сразу хлопнул дверью, наверное смотрел ему вслед. Когда дверь все-таки закрылась, парень неожиданно гулко сказал, уже не скрываясь:

– Козел ты вонючий! Передай этому стукачу...

– Тихо, дурак! – прошипел второй, вылезая из-за лифта.

– ... если поймает, то фотоаппарат сначала ему в зад сунем, и только потом в глотку, – закончил первый.

Александр осел на ступеньку, беспомощно вслушиваясь

в стихающие шаги. «Он же ни при чем, – агонизирующая мысль в последний раз шевельнулась. – Он же слабак...» Шевельнулась и умерла. Больше мыслей не было – бесконечно долго. Затем в голову ворвалась сумасшедшая радость, простая и конкретная, как наступающая Пасха: «Если ищут здесь, значит на даче его не нашли! Значит жив! Жив!»

И вдруг выяснилось, что это было единственно важным, о чем Александр думал – непрерывно, ежесекундно, – с того мгновения, как поговорил по телефону со сторожем садоводческого магазина. Вдруг выяснилось, что именно этот тоскливый иррациональный страх погнал его на лестницу, не давал покоя ни ногам, ни центральной нервной системе. Выяснилось также, что каменная ступенька щедро отдает веками копившийся холод... Ждать, пока сквозь хлипкую ткань штанов вползет простуда, уже не было причины, и Александр вскочил.

Действие №2: Кабинет проректора

Итак, действие переместилось.

Но герой – прежний. Молодой специалист, усердно прикидывающийся инженером. Никому не известный писатель, тоскливо ждущий публикаций и славы. Начинаящий мужчина, обладающий собственной женщиной. Мнительный, ранимый, комплексующий. Мечты с одной стороны, страхи с другой – между двумя полюсами он и живет, и мечется, и сгорает. Но это, к счастью, внутри, снаружи он благополучный интеллектual с претензией на независимость, знающий правильные термины, прочитавший полторы правильные книги. Идеалист по мировоззрению – как принято у культурных людей. Хотя, это тоже всего-навсего снаружи. Внутри он невежественен и суеверен: вместо того, чтобы любить Его, опасается Его, точнее, опасается Чего-то Такого, с чем лучше не ссориться. Типичный интеллигент, родившийся в стране всеобщего идеализма. Герой.

Его вытошнило прямо на кафельный пол. Организм в муках отдал съеденный ужин – бывший торт с бывшим чаем. Желудок некоторое время сокращался вхолостую и успокоился.

Потом холодная вода из-под крана подарила секунды блаженства. «Не кипяченую нельзя пить, – вяло подумал он, хватая губами пахнущую водопроводом струю. – Там же

микробы, что же я делаю...» Ледяные струйки жалили шею, ныряли под воротник рубашки. Было хорошо.

Потом он распрямился и увидел себя в зеркале. Мокрое дергающееся лицо, спутанные волосы, дикие вытаращенные глаза... И понял, что с ним все в порядке. Он – жив!

А тот, оставшийся в кабинете проректора?

Наконец, он осознал. Осознание пришло внезапно, накатило лавиной, опрокинуло вернувшийся разум. «А-а-а,» – слабо простонал он, потеряв контроль над голосом, уткнулся лбом в кафедру, обняв руками фен.

Куда бежать, кого звать?

Тот, который лежит под столом секретарши... Может, еще не... не умер?... Или – уже?... Это ведь дежурный, наверное. Кто-то ворвался к нему, ничего не подозревающему, кто-то страшный, безумный. Он сопротивлялся, но когда напоролся спиной на острое – упал на ковер. Кто-то страшный обрадовался и побежал через дворы – мимо окон кафедры. У дежурного, у бедолаги, свет был включен, а на кафедре нет – какое счастье!

Игорь прыгнул к двери в коридор, чуть не вляпавшись в собственную рвоту. Мощный импульс ужаса потряс тело. Прислушался... Никого.

Что говорить, если начнут расспрашивать?

А дежурный, конечно, уже умер. Душа его сейчас расползается – там, в приемной проректора, – наполняет собой каждую щелочку. Несколько дней душа будет покидать труп,

прикасясь к каждому из окружающих людей, молить о помощи, звать...

Герой все-таки решился выскользнуть из туалета. Как он здесь оказался, и сам не помнил. Замер, пытаясь сориентироваться... Разумеется, нужно спрятаться на кафедре, затаиться до послезавтра. Главное, не встретить по пути никого из тех – страшных, безумных. Он прерывисто вздохнул, затем застопорил дыхание, пытливо вслушиваясь. И – почти шагнул дальше.

Зуммер телефона донесся оттуда же, из раскрытой настежь двери, заглушив бормотание радио. Пауза, и сигнал повторился. Пауза... «Жанна! – вдруг догадался Игорь. – Она волнуется, хочет узнать, как у меня дела!..» Эта мысль отключила логику: следующий сигнал застал его уже внутри приемной проректора. «Вдруг Жанна сдуру включила свет! – пронзил атмосферу очередной разряд ужаса. – Теперь на кафедру ломятся!..» Во вратарском броске Игорь поймал телефонную трубку:

– Да!

– Алло, с вахты говорят.

Голос женский, но не Жанна. Не Жанна...

– Мы тут ваше шампанское пробуем. Не хотите к нам присоединиться?

Голос молоденький, игривый, праздничный. Надо было что-то отвечать. Игорь молчал, стремительно потея.

– Извините... – юная собеседница вдруг заразительно хо-

хотнула. — Я понимаю, мы тут совсем с ума сошли. Seriously, приходите. Передайте вашему другу, что его мы тоже приглашаем.

— Нет, — наконец сориентировался Игорь.

В трубке наступило секундное замешательство. Девушка прошипела в сторону, явно пытаясь прикрыть микрофон: «Говорит — нет.» Другой женский голос, еще игривее, посоветовал: «Скажи, что мы с тобой сами к ним поднимемся.»

— А хотите, мы с Аней к вам сейчас в гости придем? Вы не думайте, ничего такого...

— Нет.

Найденное слово было на редкость удачным.

— Ну, извините, — обиделась девушка. — Другу привет передавайте и спасибо за шампанское.

Студентки, автоматически подумал Игорь, слушая гудки. Подрабатывают в охране. Вовсе не вздорные бабули, как можно было ожидать, однако лучше это или хуже? Скучно им, молодым да энергичным... Телефонная трубка была влажной, липкой — наверное, вспотела вместе с рукой.

Он огляделся. Опрокинутая мебель, разбросанные предметы, гудящие лампы дневного света. Приемник интимным басом приглашает посетить фирму «Либи́до», где разработан оригинальный метод снижения застенчивости... И человеческое тело, спрятавшееся за столом секретарши. С этого места оно отлично смотрелось — в полном объеме красочных деталей. Главное, заставить себя не отводить глаз. Впро-

чем, художественное решение композиции оказалось теперь не столь убедительным, как десять минут назад, поэтому позывы к рвоте не возобновлялись. Судя по всему, дежурный был заколот ударом сзади – той жуткой штучкой, которая торчит из его груди... Кроме того... если упрямо не отводить глаз... видно, что руки у него связаны за спиной шнуром от настольной лампы. Причем, сама настольная лампа от шнура не отделена, лежит рядом, вся побитая, помятая... На лицо лучше не смотреть – нет-нет, не надо...

Игорь вытер пот со лба. Его желудок вполне справлялся с цветными картинками видеокошмара. В некоторой степени этот факт был даже приятен. Но зачем он помчался к проклятому телефону! Теперь уж выхода нет. Влип, идиот. Действительно, что отвечать, когда начнут допрашивать? А прятаться на кафедре бесполезно, потому что как только убийство обнаружат, сразу собаку привезут и обшарят с ней весь институт.

Он отвернулся, не выдержав. Страждущая душа убитого, несомненно, наблюдала за ним, он чувствовал это каждым нервом. В комнате странно веяло ветерком. Причиной – распахнутая настежь дверь? Он отошел от стола секретарши, на котором помещался телефон, судорожно стиснув лопатки. Не оглядываясь. Страх метался в жилах, распирал грудь, пыжом стоял в горле. Выхода не было? Да вот же – спасительный лаз в черноту институтских кишок! Закрой глаза, ныряй и беги... Игорь осторожно поднял пиджак, валявшийся на

ковре в центре помещения.

Пиджак явно принадлежал дежурному. Из той же ткани, что брюки на нем, и размер похож. Только карманы, увы, оказались пусты – что и следовало ожидать. Очевидно, предыдущий посетитель не оставил без внимания одежду убитого. «Друг» – по меткому выражению студентки-охранницы... Впрочем, в одном из боковых карманов завалась сложенная вчетверо бумажка. На ней, собственно, ничего любопытного не было написано – просто номер телефона. Ни имени, ни фамилии. Цифры, и все.

Номер телефона лаборатории, в которой работал Игорь.

Еще в пиджаке обнаружился пистолет. Он уютно держался в специально вшитой кожаной кобуре, слева под мышкой. Забавный такой, прохладный. Маленький, но тяжелый – настоящий. Рукоять обделана рифленным коричневым эбонитом. Неужели настоящий?

Игорь тупо озирает найденное: бумажка лежала перед ним на одной ладони, пистолет – на другой. Ладони дергались, трепетали, жили собственной жизнью.

Очередной бодрый шлягер, пульсировавший в радиоточке, плавно приглушился. Было сообщено, что если вы в хорошей интеллектуальной и спортивной форме, если вы любите большие, но честные деньги, то имеете шанс попасть в штат коммерческого агентства «Защита прав человека». Оплата почасовая, страховка за счет агентства. Защита прав человека – это работа для настоящих мужчин...

– Зачем ему наш рабочий телефон? – удивился Игорь вслух.

Вопрос бесследно растворился в окружающем кошмаре. «Позвони мне, позвони!» – грянуло радио в ответ, эффектно перейдя от дешевой рекламы к блеклой эстраде.

Тогда Игорь заставил себя вернуться к столу секретарши. Помимо прочего, там лежала документация дежурного. Журнал как раз был раскрыт на нужной странице, на последней из имеющихся записей. «20.00 – старший инженер кафедры гироскопов Сидин Тимур Германович дежурство по институту принял... 21.00 – 22.00 – совместно со старшим по вахте произведен обход территории. Отмеченные недостатки...» Какой-то Сидин. С пистолетом. Фамилия не знакома, лицо, кажется, тоже. Зачем он хранил на бумажке этот телефон?.. Игорь все-таки посмотрел в лицо убитого. Стекланные глаза, застывший ручеек крови на щеке – невозможное, завораживающее зрелище...

«Отпечатки пальцев!» – неожиданно подумал он.

Расстегнулся, выпустил наружу рубашку и принялся неумело протирать ею телефонную трубку. Здорово мешал пистолет, пришлось сунуть его в карман джинсов. Бедро сразу ощутило уверенность, щедро поделившись живительными токами с остальными частями тела. И руки успокоились, и в голове настало временное затишье. Но тут – будто струей удушливого жара окатило спину. Потому что сзади...

Потому что где-то далеко в коридоре слышались шаги

и гулкие голоса.

* * *

Их было двое. Оба массивные, оба нервные.

– Тьфу! – нервно сказал один. – Ощущение, будто откуда-то блевотиной несет. А?

– Какая блевотина, ты, трепло! – нервно ответил второй. – Институт еще вчера закрыли!

– Ну, может ты сам, это... психанул с непривычки?

– С какой «непривычки», ты, трепло!

Они грузно двигались по комнате, производя разнообразные звуки. От их шагов шкафчик содрогался, предательски потрескивал. Игорь в панике пытался придержать дверцу пальцем, боясь, что она случайно откроется – от сотрясения или от ветерка, – но с внутренней стороны подцепить ее было решительно никак. Еще Игорь боялся, что вот сейчас чужая рука хозяйски распахнет шкаф, что вот сейчас, сейчас... Щелка между дверцами осталась смехотворно узкой, ровно в толщину мизинца: закрыть шкаф до конца не удалось. Был виден только кусок стены. Был виден также упавший стул возле стены. Вдруг в поле зрения появился один из гостей, но не проскочил, как раньше, а подошел к стулу, наклонился и поставил его на ножки. Затем сел. Удовлетворенно поцывкал зубом:

– Ладно, порядок навели.

Тот самый парень, бежавший по ночному двору.

– Чего расселся? – раздраженно бросили ему сбоку. – Лампу свою отвязывай.

– Сейчас... – бегун сразу встал. – Он, сволочь, этой лампой чуть окно не долбанул.

Исчез, шагнув в сторону.

– Да, хорошо вы тут повеселились, – хмыкнул первый голос. А бегун почему-то стал оправдываться:

– Говорю же, Серж, не успел я ему ноги связать! Он, сволочь, как зверь. Вдруг очнулся, и все, не успокоить было...

– Слушай, доцент, ты вырубить его не мог получше? Чему вас только в институтах учат?

– Кончай, ты, трепло! Говорю же, вырубил я его! Не понимаю, как он очнулся, зверюга?

– Мне чего, перед Кузьмичем будешь песни петь.

Некоторое время они молчали, чем-то явственно шурша. Затем прозвучала реплика:

– С пиджаком поосторожнее, пистолет выронишь, – очевидно, это подал голос бегун.

– Ну что, раз-два взяли?

Они дуэтом закричали.

– Посмотри, на ковре нет следов?

– Чисто.

Наконец пространство в щели наполнилось движением. Двое тяжело тащили нечто длинное, завернутое в добротную парусиновую ткань. Страшные кадры мелькнули и оборва-

лись – вновь была стена, ковер, потолок, стена, ковер, потолок... Из коридора донесся тоскливый вздох: «Он, сволочь, тонну весит...»

Радио простодушно напутствовало удаляющихся гостей:

– Отдел внутренних дел Каменного района оповещает всех нуждающихся профессионалов, что с мая зарплата наших участковых инспекторов повышается. Ого, еще как повышается! Спешите к нам уважаемые коллеги! Защитим друг друга в этой нелегкой жизни...

* * *

Он стоял в шкафчике для верхней одежды. В рабочее время здесь висели бы плащи проректора, зама, секретарши, а сейчас было пусто. Ему невероятно повезло в жизни – только такой тощий и смог бы стиснуть себя подобным образом. Он стоял, тыкаясь позвоночником в дурацкие крючки, отпихивая затылком дурацкие плечики, хватая ртом слабую струйку воздуха из щели. Он стоял, не имея душевных сил освободиться.

Потом вылез, обмирая.

Да, в кабинете проректора обнаружился порядок. Да, в кабинете не обнаружилось труп. Радио по-домашнему играло позывные: наконец-то наступила полночь. Однако было почему-то страшнее, неизмеримо страшнее!

Сколько времени он провел возле шкафчика, сражаясь

со слуховыми галлюцинациями, неизвестно. Как он заставил себя покинуть пост дежурного, ему не запомнилось. И уж тем более в памяти не остался обратный путь. Осталось лишь вязкое, черное, ирреальное – что-то нескончаемое. Но обратный путь все-таки состоялся, вернув действие к прежнему месту.

Помещение заведующего кафедрой было открыто. На стенах дремали неподвижные тени. В глаза бил дворовый фонарь, ставший за вечер родным.

– Жанна! – позвал Игорь...

Ее не оказалось ни внутри, ни снаружи – нигде. Вконец одурев, он заглянул под стол. Затем секунду-другую растерянно метался в потоках ртутного света – между окном и дверью. Силы кончились. Он упал перед диваном на колени, уткнулся лицом в вонючий, засиженный сотнями задов дерматин и захныкал.

Ночь

(расследование)

Действие №1: Чужая квартира

В прихожей горел свет. Тусклыми яичными кругами из темноты выхватывались каменные стены, каменный потолок, каменный пол. Лампы размещались не наверху, как у людей, а по бокам – в чугунных церковных светильниках. Коридор, больше похожий на тоннель, тоскливо уходил в бесконечность. Было мрачно. Было изысканно странно. Душа любого из приглашаемых сюда гостей не могла не трепетать – в точном соответствии с замыслом хозяев. Прямо напротив входа висело большое овальное зеркало старинной работы. Над ним поблескивала вычеканенная в бронзе надпись: «Познай себя.» А в зеркале отражался мальчик. Веснушки, очки, школьные штаны, шмыгающий нос – типичное городское существо четырнадцати лет. Правда, взгляд у него был не вполне типичен. Взгляд метался по коридору, увязая в темных углах, напряженный цепкий взгляд на удивление взрослых глаз. И мысли были напряженными, цепкими. «Никого же нет! – думал он. – Чего бояться? Она, растяпа, так спешила, даже свет забыла выключить...»

Мальчика не беспокоил странный интерьер прихожей. Много раз за свою жизнь он имел удовольствие окунаться в сконструированный мирок этой квартиры. Он привык, давно уже не считал себя гостем. Его не могли обмануть ни расписанные под булыжник обои, которыми были оклеены и стены, и потолок, ни специальный линолеум, ни другие хитроумные детали антуража. Из воспоминаний близкого детства у него осталась картинка, как все это рождалось – клеилось, сверлилось, устанавливалось на века. Он лихорадочно изучал перспективу чужой квартиры. Лестница осталась сзади, дверь захлопнулась. Отступать было поздно.

В комнатах тоже горел свет. Но оттуда никто не выглядывал, не кричал: «Кто там?» Все правильно: дядю Юру увезли, а Бэла ушла сама. Выскочила вдруг из квартиры, села в лифт, и вниз. Канула в дождь. Повезло, кабина стояла точно на седьмом этаже, иначе она могла пешком по лестнице побежать, и тогда... Впрочем, что тогда? Ну, пожелали бы друг другу спокойной ночи... Нет, все равно повезло. Целый день Александра не пускали в ТУ квартиру, теперь же появилась возможность войти, не спрашивая разрешения. И ключи имеются, причем не надо даже в свою комнату спускаться: ключи от ТОЙ квартиры равноправно бренчат в общей связке – в кармане штанов. Дело в том, что Бэла с супругом часто путешествовала – либо представляла за границей русскоязычную астрологию, либо медитировала на каком-либо из отечественных курортов. А повсюду в горшках

у них растения жили, которые требовали регулярного полива, плюс почта каждый день наполняла ящик, ее требовалось вынимать и складировать на полке под овальным зеркалом. Вот дядя Юра и подарил ключи тем соседям, которым абсолютно доверял. На всякий случай и вообще... Но матери посещать чужую квартиру без хозяев трудно, воспитание мешает, а Игорь вовсе не желает туда ходить – с хозяевами или без, как угодно, – сильно не любит эту семейку. Так и стал Александр главным смотрителем соседской жилплощади. А что? Даже интересно – хочешь, видео смотри, хочешь, книжки листай. Только приводить никого постороннего нельзя, с этим у соседей очень строго. И еще – когда они уезжают, то многочисленные дверцы в секретах и ящички в столах-тумбочках закрывают на маленькие замочки, чтобы всякие там «смотрители» не лазили, куда не следует. В открытом пользовании дядя Юра всегда хранил проверенные кассеты, увы, увы, и проверенные книги – короче, ничего такого, что особенно требуется развивающемуся организму. Еще хозяева, когда отсутствовали, включали сигнализацию и другие защитные штучки. А мальчик имел подробные инструкции, как с системой обращаться – знал код, знал специальный номер телефона и все такое...

Сейчас, разумеется, сигнализация была в отключке.

«Ну, если следовательша об этом ключе унюхает, нам всем хана, – мельком подумал мальчик. – А может уже унюхала?»

Он осторожно двинулся вперед. Квартира была абсолютно такой же, как коммуналка ниже этажом. Только неизмеримо цивилизованнее. Первым номером от двери шел кабинет Бэлы – точно над комнатой, где жил мальчик с мамой и братом. Напротив, над супругами-театралами располагался кабинет дяди Юры, выходивший окнами на проспект. Там, где ютился программист дядя Павел, была устроена спальня, которую почти целиком занимала гигантская кровать. А дальше, уже за кухней, хозяева сделали супергостиную. Ни в кухне, ни в гостиной свет сейчас не горел: конец коридора затаился во мраке... Мальчик заглянул в резиденцию Бэлы. Привычная картинка: снизу доверху сплошь голубое с золотыми узорами. Как и в прихожей, обоями здесь были оклеены и стены, и потолок. Впрочем, в остальных комнатах так же, только раскраска в каждой разная. Дядя Юра говорил, что это называется «эффект табакерки», модный стиль. Юный зритель смело вошел в голубую табакерку, озираясь... В обоях сверкали узкие зеркальные полоски, придавая комнате истинно Космический вид. Повсюду висели таблицы, заполненные цифрами, буквами из разных алфавитов, непонятными словами. Висели изображения звериных морд, таинственные графики. Висела фотография звездного неба. Над древним письменным столом была приделана полочка, на которой стоял миниатюрный макет – жутко красивый. Дядя Юра уверял, что когда-то очень давно так выглядел храм в городе Дельфы, где обитал знаменитый оракул.

Кстати, бронзовая надпись в прихожей – насчет «познания себя», – она ведь оттуда же, из Дельфийского храма. Бэла вообще с особенной нежностью относилась к древнегреческим предсказателям, наверное, тоже хотела стать когда-нибудь мифом... Компьютер в углу, принтер, повсюду бумажки со столбиками цифр – творческий беспорядок. Телевизионщики любили здесь снимать. Правда, стеклянные дверцы шкафа сейчас были раскрыты, а книги с нижней полки почему-то свалены вниз, на пол. Справочники по всяким там математикам, труды всяких там Кеплеров и Пифагоров, другая ученая дребедень – все это бесцеремонно брошено под ноги. Литература на других полках не тронута, стоит сомкнутыми рядами: Библия, Коран, шикарные тома со странными названиями вроде «Зохар», «Авеста» и прочее и прочее. Присев, мальчик заглянул в разоренную полку. Ага! Простенький, пошленький тайничок – углубление с задвижкой. Пустой, увы. Мальчик никогда не брал отсюда книги – скучища ведь, наука. То ли дело у дяди Юры. И, выходит, зря не брал... Он встал и распрямился.

На письменном столе творческий беспорядок достигал своего апогея: кроме компьютера и распечаток здесь имел место ворох хитроумно расчерченных картонок. Бэла, объясняя что-нибудь тупым журналистам, обязательно демонстрировала такую картонку и водила по ней пальцем. Назывались они очень красиво – «астрологические карты». Еще на столе был телефонный аппарат и раскрытый блокнот. А

поверх всего – в качестве ведущего элемента композиции – лежали деньги.

Несколько аккуратных пачек.

Мальчик никогда не видел денег в пачках. Мгновение он впитывал глазами стол – в холодном восторге. Наверное, эти самые богатства и хранил опустевший тайничок... Впрочем, деньги были чужими, и колдовство сразу потеряло силу. Мальчик сделал шаг, заглянул в раскрытую страницу блокнота. Наискосок бежала запись, сделанная красным фломастером. Выделялось короткое противное слово: «МОРГ», жирно подчеркнутое, затем следовал адрес и телефонный номер. Стараясь не дотронуться до денег, мальчик взял блокнот и перелистал его. Однако другие страницы были чисты. Бесконечно листалась сплошная глянцевая белизна – очевидно, ради одной-единственной записи Бэла использовала совершенно новую вещь. Безумная расточительность. Мальчик последний раз огляделся. Исследовать эту комнату было вроде бы незачем, и он вышел в коридор.

Дядя Юра жил в «табакерке» желтых тонов. Здесь обстановка казалась куда более нормальной: ковер на полу, стандартный стол, стандартный диван, стандартная видео-аудио и прочая аппаратура. Полки для книг, стеллаж для кассет, секретер для всякой всячины. В гостиной, кстати, тоже есть телевизор – висит на стене, потеснив портретную галерею, – и туда проведен кабель из дяди-Юриной комнаты, прямо от видика. Почти как кабельное телевидение. И в спальне есть

телевизор, и даже на кухне – маленький. Вообще, у них только коридор и кабинет Бэлы сделаны в фирменном стиле «Леди Космос», а все остальные просторы квартиры смотрятся не так экзотично. Однако сейчас в комнате творилось явное безобразие. Все, что могло быть вытащено, было вытащено – из стола, из секретера, с полок, со стеллажей. Все вытасченное – брошено на пол. Покрыв ковер целиком, валялись россыпью папки, какие-то документы с печатями, книги, фотографии, журналы. Видеокассеты разбросаны по дивану. Мебель раскрыта, дверцы, ящики и ящички бесстыдно выставлены – голым нутром к публике. Поразительное зрелище. Видел бы все это дядя Юра, вот бы он раскричался, распахивался, дом бы разнес от злости. Он ведь обожал порядок, жить не мог без порядка, в отличие от своей жены. Интересно, кто здесь поработал? Преступник, что ли?

Тщательно ступая в свободные от предметов промежутки ковра, мальчик двинулся вперед. В углу, на столике под торшером, лежала бумажка. Одиноко, сиротливо, но вполне аккуратно. Бумажка притягивала к себе, потому что была отдельно от царящего в «табакерке» развала. Взять ее в руки, осмотреть ее казалось таким естественным. Вот только кресло... Гость вдруг застыл, едва не потеряв равновесие. Как он сразу не сообразил? Торшер стоит рядом с креслом. Рядом с тем самым креслом! В котором дядю Юру... вон и розетка... Он глубоко вздохнул, пытаясь вернуть движениям уверенность. Затем продолжил путь, глядя под ноги. Да,

кресло мешало, гипнотизировало, занимало собой все помещение. Мальчик поднял бумажку. Это оказалась повернутая вниз лицом фотография. Всего-навсего старая черно-белая фотография. На обороте бежала торопливая, уже начавшая стираться надпись, сделанная синим шариком: «Все будет, как ты хочешь, родной.» Запечатлена была женщина...

Мама Александра.

Молодая, непривычная. Лет, наверное, двадцати пяти. Вроде Жанны. Красивая, ужасно похожая на ту маму, которая улыбалась в семейном альбоме – там, где с маленьким Игорем на руках. Только... только голая!!! Она сидела в позе «лотоса», изящно воздев руки к небу ладонками вверх, закрыв глаза, почти как индийская богиня. Она сидела передом к объективу, распахнутая настолько, что скулы сводило от неловкости. Мальчик пялился в трепещущий перед ним кусок картона, не в силах оторвать взгляд. Что это? Зачем это? Ощущение нереальности происходящего на мгновение отключило разум.

И тут ожила входная дверь. Стрельнули замки, чмокнула дерматиновая обивка. Юный взломщик бросил фотографию обратно, в панике озираясь. Исчезнуть, раствориться, стать невидимым... Скорее – куда? Он метнулся к креслу, забыв, что оно – то самое. Кресло располагалось спинкой к стене, однако никогда не стояло вплотную. Оно было откидным, как в самолете – современной конструкция, – поэтому сзади оставалось чуть свободного пространства. Спинка бы-

ла наклонена, кроме того, с одного бока прижимался диванчик, с другого – столик и торшер, так что между креслом и стеной получалось что-то похожее на домик. Пару лет назад, когда мальчик был еще маленьким, он забирался туда ради интереса – посидеть, поразмышлять о жизни. Правда, с тех пор он слегка подрос... Толкнуться ногами в пружинящий диван, стараясь не громыхнуть кассетами, тихонько протиснуться в узкую пыльную щель, и секунды звенящего ужаса останутся снаружи. Скорее... Детский тайник принял гостя – места хватило. Только пригнуться надо пониже. Встать на четвереньки. И скорчиться, притянув колени к подбородку...

Из прихожей неслись звуки. Стучали о линолеум снимаемые сапожки, шелестел плащ, шумно укладывался на просушку зонтик. Бэла. Так быстро вернулась, зараза. Мальчик устроился поудобнее, лихорадочно соображая, во что же он такое влип. Да, влип круто, очкарик! Ночуй теперь тут, идиот, жди, пока Бэла заснет... Звуки между тем изменились. Что-то вдруг гулко бухнуло, раскатистой волной прокатилось по квартире. Будто по железу ударили. И тут же бешеный голос хозяйки пронзил пустоту:

– Поз-з-най себя! Мясники, мудацье косолапое!

Ага, Бэла сердилась. Очевидно, вlepила чем-то в бронзовую надпись на стене. Затем пошлепала босиком по коридору, надрывно бормоча:

– Ой, мерзавцы... Ой, мудацье...

Дошлепала до кухни, и звуковой фон сразу возобновился – грохот, звон, вопли. Там откровенно швыряли посуду. Не только металлическую, но и, кажется, фарфоровую. Жуть, как же из этой ловушки выбраться?.. Хозяйка вскоре покончила с кухонными делами и возвратилась, отчетливо всхлипывая на ходу. Свернула к себе в кабинет. Оттуда выплеснулась очередная порция шумов: истерика благополучно продолжалась. Теперь Бэла швыряла что-то бумажное, мягкое. Она бессильно стонала: «Сво-олочи! Сво-олочи!» – низко, утробно. У нее вообще был фирменный голос – сочный, как у оперной певицы. Знаменитый голос. Когда она вещала на публику, форсируя громкость, даже мурашки по коже бежали.

Впрочем, стихия в конце концов уgomонилась. Смолкли акустические эффекты, настала тишина. Тишина длилась вечность... «А вот интересно, – думал мальчик, – вечность, наверное, это очень долго, да? Так долго, что человек для нее как бы не существует? Но тогда и вечность для человека как бы не существует. Зачем же выдумали это слово? И кто первым его выдумал?..»

«А может Бэла заснула? – думал он. – Хотя, там ведь негде лечь. Сидя спит, что ли? Лошади, кстати, стоя спать умеют. Но Бэла ведь не лошадь, скорее общипанная орлица, особенно, когда из телевизора смотрит...»

«А может она тоже умерла? – думал мальчик. – Взяла и умерла от злости...»

Ему нестерпимо хотелось подкрасться к двери, выглянуть, а там, глядишь, и к выходу просочиться, к спасительной лазейке на свободу. Явственно представлялось, как он это делает – тихонечко, деликатненько, не хуже, чем настоящий разведчик... Вылезать было нельзя. Немыслимо было даже высунуть голову из-за спинки кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.